

От Тавриды до Тивериады

С Любовью Знаковской я встречалась ещё, когда мы обе жили в тёплом крымском городе Симферополе. Она тогда уже была поэтом, литератором, публиковалась в газетах и журналах, выпускала книги.

Творческая дружба объединила нас только в Израиле. Несколько лет назад Любовь пригласила меня в Тверию на встречу в литературной студии «Волны Кинерета». Я волновалась перед выступлением, была напряжена, но с первых же минут почувствовала, что нахожусь не в клубе и не в зале, а в тёплом, уютном и приветливом доме, где мне рады, где слушают с интересом и пониманием и готовы слушать ещё и ещё. А хозяйка этого дома — открытая, радушная, щедрая и гостеприимная Любовь Знаковская. Уж если принимаешь гостей — принимай с душой!

— «Волны Кинерета» — моё детище, — расскажет мне потом Любовь, — сначала нас было всего шесть человек, а теперь вот такой большой

интересный творческий коллектив.

Люба умеет по-настоящему вкладывать душу во всё, что она и делает, и пишет. Видно, недаром ей дано имя «Любовь». А пишет она о разном и поразному — это художественная и документальная проза, стихи, баллады, сонеты, переводы.

Вот повесть «Мы вчерашние дети». Вчерашним ребёнком войны была сама Любовь, и в основу книги легли её собственные воспоминания о военном детстве в украинском Полесье, в городке Олевске. Только человек, переживший всё это, может так искренне, трогательно и правдиво воссоздать обстановку тех лет и мест, с такой нежностью и теплом рассказать о героях тех страшных событий.

«...война, увиденная глазами ребёнка, не дающая ему, уже взрослому человеку, покоя — это заставляет нас внимательно вчитываться в каждую строчку текста, видеть ужасную правду за детским неиссякаемым оптимизмом, сочувствовать и сострадать».

Так говорил об этой книге писатель Леонид Финкель.

А вот другая её книга «Подвиг ветеранов» — тоже проза, но документальная. Такого рода книга могла бы стать отчётом, сухим перечнем имён и событий тех лет. Но за это дело взялась Любовь. И вот уже ветераны, о которых она пишет, становятся ей чуть ли не близкими родственниками, она роется в семейных архивах, знакомится с детьми и внуками участников войны. И на бумаге выстраиваются потрясающие истории жизней, казалось бы, обычных, ничем не приметных, живущих или живших бок о бок с нами людей, а на самом деле мужественных и отважных героев-бойцов, людей, переживших оккупацию, эвакуацию, испытавших ужас смерти и потери близких, но не утративших собственное достоинство.

Любая такая биография могла бы перерасти в большой роман или сценарий многосерийного кинофильма. Любовь сумела создать миниатюрные рассказы, уместив историю каждой жизни на нескольких страницах. А читаешь — и мороз по коже. Нельзя оторваться.

К воспоминаниям военного детства, ранней потере родителей Любовь постоянно возвращается и в поэзии:

Крымские яблоки. Праздничный запах,
Как всколыхнулись память и нюх!...
Прибыл из Крыма с учений мой папа
На день рожденья, к девятому дню...

.....

Мне уже три, и родители рядом –
Семечко к семечку – то есть семья...
Эта вот яблока крымского радость –
Вся довоенная память моя.

Казалось бы, всё просто и обыденно, однако в одном небольшом стихотворении уместилась полная картина счастливого мирного довоенного детства с

праздничным запахом крымских яблок — образ, написанный пером, словно кистью живописца.

Блеск кожуры тёмно-красного цвета,
Будто гранёные, формы боков —
Ветер и зной черноморского лета
Плод изваяли, любуясь, — каков!

А вот стихи о сгоревшем в танке отце. Скупые строки, заставляющие содрогнуться.

Жизнь отца моего,
И не шагнувшего в тридцать,
Музыкой парных слогов —
«Па-па, ты пе-пел...» — двоится.

Стихи Любови Знаковской всегда подкупали меня неподдельной искренностью и открытостью. В них сама жизнь, такая, как есть, яркая и разноликая — с печалью, радостью, сомнениями и тревогами.

От вокзала с чемоданом
Шла по городу пешком:
Прибывает слишком рано
«Рижский» поезд; прямиком

Из Олевска в Симферополь,
Из Полесья в райский сад.
Босоножками притопнув,
Радуюсь всему подряд.

.....

Но чему так сердце радо?
Как? Неужто ни при чём
Терпкий запах винограда,
Абрикосовой услады,
Слив размером с кулачок?!

Любовь пишет о войне, о мирных буднях, о любви, о материнском беспокойстве за детей. Она возвращается к античному прошлому, событиям и легендам давно минувших дней. И две, если не главные, то очень важные для неё темы, пронизывают всё её творчество — это два края, в которых она провела юность, молодость и зрелость. Они чем-то схожи. От черноморских берегов живописного Крыма с его длинной и захватывающей историей, полной подлинных легендарных событий и мифов, тропа жизни привела Любовь на историческую родину к берегам Кинерета, в край не менее легендарный,

ведущий свою летопись от библейских времён и воспетый известными израильскими поэтами — из Тавриды в Тивериаду. Нельзя не заметить сходства этих двух слов.

Любовь сама пишет об этом в стихотворении «В двух мирах»:

За то, что в двух мирах живётся мне,
Судьба дарует щедрую награду –

Как ящерке, метаться меж камней
Брегов Тавриды и Тивериады.

И... сравните:

На чёт и нечет поделив
Своё дыханье –
Прилив и тягостный отлив
На расстоянье.

Сегодня виден небокрай
Полоской меткой.
Лазурь такую даже май
Припомнит редкий.

Евпатория

Какие розовые с чёрным
Отроги гор в закатный час
Встают из синевы озёрной,
Как перламутр и топаз.

Художник, удержи дыханье,
Скорее колер подбирай,
Пока намечен небокрай
Каёмкой золота прощальной.

Тверия

Много общего, не так ли?

Будь то стихи или проза, Любви не занимать мастерства, сочных образов, ярких описаний. Она берётся и за самые сложные формы, например, верлибр и сонет. Любовь рассказывала мне, как нравится ей писать сонеты. Нужно быть настоящим мастером, чтобы уместить глубокое содержание в строгую и чёткую форму. Написать красивый, содержательный и не скучный сонет в наше время, когда поэты всё больше отходят от формальных рамок и тяготеют к свободному стиху — задача далеко не простая. И вот ещё один жанр — переводы, да ещё и переводы сонетов с иврита. Любовь не скрывает, что знает иврит на бытовом уровне, а переводы сделаны по подстрочникам,

правда очень качественным. А ведь без достаточного знания языка оригинала задача становится ещё сложнее. И тогда возникает вопрос: зачем? Зачем нужны ей такие головоломки, и что именно подвигло Любовь переводить именно эти сонеты с иврита на русский?

Передо мной «Крымские сонеты» и рассказ об их авторе — израильском поэте и переводчике Шауле Черниховском. Так вот, видимо, что подтолкнуло Любовь взяться за перевод его сонетов: Черниховский родился в 1875 году в селе Большая Михайловка Таврической губернии. Он бродил крымскими тропами в позапрошлом веке, а Любовь Знаковская в конце прошлого века увезла с собой в Израиль привязанность к этому краю.

Все свои произведения, включая пятнадцать крымских сонетов, Черниховский написал на иврите. Правда, язык, на котором они написаны, ближе к библейскому и отличается от иврита сегодняшнего. Современному читателю сложно воспринимать метрику Черниховского, поменялись ударения и семантика. Нынешний иврит превратился в живой язык общения. А как тут быть переводчику? Хороший перевод не должен выхолостить душу и природу оригинала, и в то же время он не должен отягощать читателя-носителя другого языка оборотами, странными и чуждыми для его восприятия, или непривычной лексикой.

Перечитываю сонет за сонетом на русском языке. Их содержание полностью соответствует содержанию оригинала. Форма нигде не нарушается: 14 строк, два четверостишия-катрена на две рифмы и два трёхстишия-терцета на три рифмы. Скучно? Нисколько.

Ужель, как Чатыр-Даг средь братьев – крымских круч –
В чалме из облаков и молний – жрец Аллаха,
Так Демерджи короной кромку туч
Срезает, вознесясь из каменного праха.

.....
А у подножья скал полдневные сады.
Темнеет кипарис, и серебрится тополь,
И кроны пышные в кудрявые ряды

От моря к Бар-Дэрэ* прокладывают тропы.
В осеннем золоте, о Демерджи, твой профиль
К Алуште устремлён, прилégшей у воды.

А вот и Бахчисарай, знаменитый Ханский дворец с башенками и минаретами.

Бахчисарай, ты спишь? Ужели тайны рая
В сладчайшем хоре мулл не слышимы тебе?
Вершины гор и город укрывая,
Ночь-чаровница спустится с небес.

.....
... Но прежнее чарует красотой,
Прошедшее звучит, хоть было немо,
В волшебных звуках песни и поэмы

Из уст пришельца в память ночи той,
Когда рассвет иссиня-золотой
Свёл призраки Марии и Заремы.

Здесь не простое описание природы, оживают знаменитый «Бахчисарайский фонтан», знакомые с детства мифы и сказания, люди и обычаи.

Девиз иноземных они изумляют –
Татарские парни – орлы из гнезда!
А гости, вином красоте их воздав,
Любовной расплаты ждут, изнемогая.

Перед глазами вырастают южный и восточный берег, Тарханкут и гора Митридат. города Ялта, Алушта, Феодосия.
Точно переданы настроение автора и его отношение к тем или иным местам и событиям.

5. ЧУФУТ-КАЛЕ – ЕВРЕЙСКАЯ СКАЛА

Она мне не оплот. И не моя скала.
Не встала на защиту Иудеи,
Пока следы кровавые ткала
Напасть изгнания в судьбе евреев.

Потомки Маккавеева крыла,
Мы – не рабы, приученные к шлее,
И осквернить вовеки не посмеет
Погост отцовский ханская стрела.

Передаётся изобилие красок и интонаций. Вот красоты южного берега.

Ялта стихала. А бог морской её решил соблазнить.
Он платья роскошные разложил у ног, угождая ей.
По нежно-зелёному бархату шла иссиня-чёрная нить,
Переходя в фиалковый шлейф пугливых, как ночь, лучей.

А вот рыбацкие будни у горы Митридат.

Ветром меня обдаёт наше море, священное море.
Сразу запахло вокруг дёгтем, мазутом и рыбой.
Запахом этим дышу, упиваюсь пока... На просторе
Освобождается песня о мужестве или напевы про гибель.

Совсем другая интонация звучит в сонете, описывающем синагогу в Чуфут-Кале.

Святилище заброшенное! Бог
Ли повелел, чтоб Ангелы печали
Тебя с молитвой скорбной повенчали,
Собрав в руинах всё, что видеть мог?..

Курган в безмолвии дурманом укачало.
Спит море, спят кораллы и песок.
А ящерицы юркий завиток
На частоколе трав не различаем.

Нередко, читая переводы поэзии, чувствуешь вторичность, подмечаешь шероховатости и искусственность переведённого текста. Это и понятно, переводчику бывает очень тяжело отойти от буквы оригинала, сохранив при этом его суть. Трудно заменить существующие образы, метафоры одного языка иными, но столь же точными, на другом языке. Здесь же всё написано так гладко, так живо, красиво и образно, что вторичности не ощущаешь, хотя суть оригинала передана. А это для переводчика высший пилотаж. Сравним с подстрочным переводом:

Еще клекочут коршуны над Кекенеизом –
Похоже, еще синеет сумрак меж горами,
И горные отроги еще внимают песне гордых птиц
И громам, что скорбь свою на молниях приносят;

Кекенеиз. Там коршуны клекочут,
И синий сумрак прячется в горах,
А гром и молнии в слезах пророчат
О скорби, что взлетела на крылах.

Для того, чтобы перевод был мастерским необходимо проникнуть в авторский замысел, понять его до мельчайших деталей и суметь перенести всю гамму авторских чувств и переживаний на другой язык. Любовь смогла это сделать. Каждый сонет ведёт читателя в тот или иной уголок Крыма. И передо мной, как перед прошедшими дорогами Крыма Шаулем Черниховским и Любовью Знаковской, возникают причудливые и величественные горы, скалы, ущелья и города с их неповторимым колоритом, проносятся знакомые с детства пейзажи, запахи и краски.

